

ПРОЦЕССЫ КЛЕРИКАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Несмотря на то, что в большинстве религиоведческих изданий в России термины «клерикализм» и «клерикализация» обычно употребляются как синонимы, сегодня мне хотелось бы обратить внимание на принципиальное различие явлений, которые ими обозначаются.

В отличие от клерикализма, как комплекса свойств и характеристик, присущих любым религиозным организациям, клерикализация представляет собой процесс распространения этих свойств и характеристик вне религиозной организации, т.е. в различные сферы светской общественной и политической жизни. При условии отделения религии от государства, термин «клерикализм», характеризующий комплекс внутренних признаков религиозной организации, является этически нейтральным. В то время, как понятие «клерикализация» - при условии отделения религии от светского государства - имеет негативную коннотацию, так как связано с нарушением принципа светскости.

Религиозные организации в России пользуются конституционными гарантиями на свободу вероисповедания и участие в жизни общества посредством исповедания основ своих вероучений (совершения богослужений и иных молитвенных действий, миссионерской проповеди среди своих последователей и социальных групп, не являющихся представителями данной конфессии, отправления необходимых обрядов и т.д.). Таким образом, религия заявляет о своем присутствии в общем для всех светском культурном и правовом пространстве, подобно столь же специфическим сферам системного мировосприятия, как наука или искусство.

Собственно «клерикализация» (либо «процесс клерикализации») представляет собой распространение различных доктринально обоснованных религиозных норм, обязательных для последователей определенного вероисповедания за пределы религиозной организации в качестве регламента различных проявлений светской жизни. В таком случае, религия выступает в роли идеологии, пропагандируемой либо административно навязываемой всему обществу, светское пространство, которого включает в себя, кроме последователей этой религии, атеистов, неверующих и представителей других вероисповеданий.

Предельной целью клерикализации является политическое правление в форме теократии, при которой государственная власть, апеллирующая к авторитету Бога (божества), сосредоточена в руках главы одной религиозной организации, а лидер государства является, одновременно, духовным лидером. В процессе исторического развития на смену теократии, как оптимальной модели власти европейского Средневековья, минуя разные стадии сакрализации власти, созревала новая, светская форма правления, окончательно оформившаяся в ряде развитых государств в XX веке. Тем не менее, определенные тенденции к идеологическому реваншу теократии, усиливающиеся в условиях общего кризиса, можно отметить вплоть до настоящего времени.

В систему процесса клерикализации во многих странах входят религиозно ориентированные политические партии, а также ряд организаций – профсоюзные, женские, молодежные. Таким образом, религия оказывается включенной в социополитический контекст, более того, она нередко выступает неким «ядром» и

катализатором общественных процессов. В соответствии с религиозными ценностями и нормами даются оценки того или иного события или явления, формируются социальные идеалы. Вспомним, например, Иран конца 1970-х гг. Как известно, после революции 1979 года в Иране к власти пришло фундаменталистское крыло шиитского духовенства, возглавляемое аятоллой Хомейни. Официально Хомейни не занимал ни одного государственного поста, но он считался «духовным руководителем». Без его согласия не решался ни один сколь-либо важный социально-политический вопрос. Он направлял и координировал деятельность законодательных и исполнительных органов и даже деятельность вооруженных сил. При этом Хомейни исходил из того, что ислам имманентно содержит в себе программу, способную решить все социальные проблемы. Светские знания и широкая образованность, согласно Хомейни, не могли служить надежными критериями для занятия высоких должностей и руководства государством. В соответствии с этой концепцией в Иране шла шумная кампания «очистения мозгов». Для министров, высокопоставленных чиновников, ученых, преподавателей, технических специалистов устраивались экзамены на знание Корана и норма Шариата. Не выдержав экзаменов, многие представители иранской интеллигенции вынуждены были уйти со своих постов. Традиционные нормы ислама, иногда достаточно жестокими способами, внедрялись в повседневный быт иранцев. Например, женщина, появившаяся на улице с непокрытым лицом или с обнаженными руками, рисковала быть изувеченной стальными шипами, которые носили на пальцах стражи исламской революции.

Это типичный пример клерикализации, по существу дошедшей до уровня теократии, с тем отличием, что спецификой ислама было изначально и до сих пор остается слияние светского и духовного начал. Ни в Арабском халифате, ни в более поздних государственных образованиях мира ислама не существовало организованной церкви, подобной католической или православной. В отличие от христианства, которое изначально возникло как оппозиция официальной власти, ислам формировался в условиях религиозно-политической слитности: во главе его стояли религиозные и, одновременно, политические вожди – Пророк, халифы, эмиры и их помощники на местах. Уголовное и гражданское право было основано и всецело выстроено на религиозном законе – Шариате. Право толкования норм Шариата и контроль за их исполнением были прерогативой мусульманских богословов. В силу этого исламское духовенство выполняло и выполняет, одновременно, чисто религиозные и светские функции. Во многих странах видные богословы являются советниками государя, а в некоторых – авторитетность их мнений превосходит авторитет светской власти.

Таким образом, рассуждая о негативных аспектах процесса клерикализации, мы, безусловно, обязаны учитывать тот факт, что речь может идти исключительно о «христианских странах», так как в мире ислама процессы секуляризации, сакрализации и клерикализации носят совершенно иной, специфический характер. Я намеренно оговариваюсь об этом, чтобы в дальнейшем избежать упреков в христо- и евроцентризме с учетом того, что буду говорить о России, отнюдь не моноконфессиональной христианской стране, где исламский фактор является весьма существенным.

Отдельные современные исследователи отмечают, не разводя понятий «клерикализма» и «клерикализации», что «подверглось за последние годы изменениям и оценочное определение клерикализма – от однозначно

отрицательного до выделения в нем позитивного и негативного аспектов. С позитивным аспектом клерикализма связываются выступления под религиозными лозунгами демократических движений, ставящих своей целью достижение определенных социально-политических задач, с негативным – требования усиления роли церкви в политической и духовной жизни общества (обязательного религиозного воспитания детей, введения в школах преподавания религии и теологии в государственных вузах, должностей капелланов в армии и т.д.)»[1].

В своей статье я вынуждена остановиться на некоторых негативных аспектах клерикализации светского пространства (опуская клерикализм), имеющей место в современной России, и кратко рассмотреть ситуацию усиления влияния и попыток оказания прямого давления Русской православной церковью Московского патриархата на названные выше сферы, добавив к ним еще, пожалуй, культуру и науку.

1. В сфере образования. Увы, для всех нас не секрет, что с началом четвертой четверти 2010 года в школах девятнадцать субъектов РФ начался очередной эксперимент - в четвертых классах с начала апреля 2010 года введено изучение нового предмета «Основы религиозных культур и светской этики». Он предполагает, что в последней четверти четвертого класса и в первой пятого школьники будут изучать по выбору родителей один из пяти курсов — основы православной, исламской, иудейской, буддийской культуры или светской этики. «Это абсолютно светский курс, который будут вести обычные учителя. Ребята смогут узнать об истории и культуре основных религий, ценностях светской этики», — утверждал на заседании в Минобрнауки глава ведомства А. А. Фурсенко. Известно, что А. А. Фурсенко до лета 2009 г. вообще был сторонником введения в школе светского предмета «История религии» вместо лоббируемых Русской православной церковью «Основ православной культуры». По-видимому, с введением «Основ религиозных культур и светской этики» он и его светские коллеги согласились вынужденно, из-за давления сверху, а ныне стараются оправдать сдачу своих позиций и избежать явной видимости конфликта с Конституцией и законами, гарантирующими светский характер образования. «Понятно, что эксперимент — компромисс между Министерством и Московской патриархией. По большому счету, оба участника этого компромисса не удовлетворены его результатом. Министерство вынуждено внедрять какую-то сложную (из пяти модулей и учебников) конструкцию, которую надо встраивать в школу, где вместе учатся дети разных национальностей и вероисповеданий. Клерикальные силы, стремившиеся к интеграции своего вероисповедания в государственную систему образования, получили многое, но не главное — им не гарантирован прямой доступ в школу. Разномыслие родителей, позиция учителей, бюрократические согласования — это и многое другое может чрезвычайно усложнить причастность к школе. Так кто же выиграл или может выиграть в результате этого компромисса?

Никто. Мне видится, что проиграем все мы – наверное, скоро придется делить школы, а потом и микрорайоны городов по конфессиональному признаку, а там и до этноконфессиональных конфликтов недалеко. К чему приводят последние, нам всем, увы, хорошо известно. Об этом совершенно справедливо пишет в своем блоге профессор А.П.Забияко [2].

Как считает член-корреспондент РАН Ж.Т.Тощенко, «при решении судеб образования следует обратить внимание на данные всероссийских социологических

исследований, которые следовало бы видеть и учитывать как государственным чиновникам, так и религиозным деятелям. Как реагирует население на предложение о введении в школьные программы преподавания знаний о религии? В ИСПИ РАН были получены следующие ответы: 7% высказались за то, что по желанию школьники могут изучать основы любой религии по выбору, 24% - за преподавание предмета «История религий», 12% настаивают на том, чтобы ни в какой форме религия не должна быть в школе. Показательно (и об этом нелишне знать клерикалам) всего лишь 6% высказались за то, что школьники должны изучать «Основы православной культуры» и еще 17% допускали такую возможность, но только при желании школьника или его родителей. Получается парадокс: духовенство и некоторые государственные мужи жаждут доказать «мудрость и правильность» клерикализации школы при очень неоднозначном отношении населения к их инициативе» [3].

При этом патриарх Московский и всея Руси на днях сделал заявление, в котором обвинил государственных служащих, что «родители четвероклассников выбирают для своих детей предмет «светская этика» вместо основ православной, мусульманской или иудейской культуры под давлением директоров школ, на которых, в свою очередь, давят местные власти» [4].

2. В сфере науки. Ясно, что теология не отвечает ни одному из критериев научности. Имплицитно это понимают и сами теологи, поэтому для проталкивания теологии (причем весьма успешного) в номенклатуру научных специальностей ВАК, они прибегают к весьма изощренной (как им кажется) аргументации, которая, хотя и принимается частью малосведущих обывателей, но легко развенчивается. Так, например К.М. Антонов пишет, рассуждая о научности теологии, что здесь смешиваются два смысла слова «богословие»: «1) как учения конкретной церковной общины, в основных моментах обязательного для всех ее членов, составляющего существенную часть их донаучного жизненного мира; 2) как науки, изучающей это учение, выясняющей его содержание, структуру, смысл и значение в человеческой жизни»[5]. Однако, любому ученому ясно, что смысл первого варианта вообще не совместим с понятием «наука». Второй же пытаются представить как изучение теологической мысли, хотя объект этого исторического экскурса – «теология» – остается все тем же вненаучным предметом, и от того, рассмотрена ли она в историческом или в проблемном поле, сама теология наукой все равно не станет.

Не менее странными выглядят и ссылки на опыт западных стран, ряд университетов которых имеют теологические факультеты. Дело в том, что становление университетской системы образования в странах Западной Европы и в России происходило по-разному. В Европе первые университеты возникали при католических монастырях и по этой причине в них традиционно имеются теологические факультеты. В России же духовное образование на университетском уровне изначально было отделено от светского и никогда ни в одном Российском университете богословских факультетов не существовало. Богословие изучалось отдельно в соответствующих духовных семинариях, академиях, медресе и т.д., не становясь от того менее значимым или менее востребованным.

Кроме того, в западных странах не существует какой-либо структуры, выполняющей функции ВАК (Высший аттестационный комитет), который присваивает (в случае докторских диссертаций) или утверждает (в случае кандидатских диссертаций) ученые степени в России. На Западе эти степени

присваиваются самими университетами, еще точнее - их факультетами. Поэтому присвоение ученой степени доктора теологи теологическим факультетом, например, Тюбнгенского университета в Германии выглядит вполне логично. Однако, каким образом нечто подобное было бы возможно в рамках экспертного совета ВАКа, представить без нелепости нельзя. В то же время, когда соответствующие богословские степени присваиваются, например, в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, это выглядит вполне естественно.

И, наконец, еще один «антизападный» аргумент: теологическая мысль на Западе получила достаточно широкое развитие, где в первую очередь, речь идет о развитии католической теологии и протестантской систематической теологии. В России же исторически основное богословие (условно - аналог систематической теологии) практически не развивалось, но получило наибольшее развитие то, что называется «пастырским богословием». Каким образом его можно отнести к научным дисциплинам, для меня и моих ученых коллег остается непостижимой загадкой. Столь же загадочным и парадоксальным видится мне словосочетание «светский теолог» (что-то из серии «молодая старушка» или «жидкий сухарь»).

Очевидно одно - попытки внедриться не только в сферу образования (как среднего, так и высшего), но и занять научную нишу, прямо указывают на откровенность и даже агрессивность клерикального настроения определенных идеологов и иерархов РПЦ. Я неоднократно излагала свою аргументацию по проблеме соотношения теологии и науки (в частности, религиоведения), поэтому не буду останавливаться на это подробно, лишь отсылая читателя к моей последней (по времени) публикации на эту тему[6].

3. В сфере культуры и искусства. В последнее время усилилось давление РПЦ МП и в плане получения в свое распоряжение культурных объектов и ценностей религиозного назначения, как правило, имеющих статус общенационального культурного наследия народов России. Ясно, что о какой-либо «реституции», как говорилось еще несколько лет назад, в данном случае речь идти не может. Реституция, это возврат ранее принадлежащего имущества, право собственности, на которое требует доказательств. Однако, Церкви и до революции 1917 года то, на что она сейчас претендует, включая многие знаковые архитектурно-исторические комплексы (Ростовский кремль, Рязанский кремль, соборы Петропавловской крепости и т.д.), а также ряд общенациональных святынь, не принадлежало. Теперь это стало окончательно ясно, и претензии религиозной организации на овладение культурными ценностями удовлетворяются властью в форме отчуждения их от музейного хранения, а затем передачи церкви как простого федерального или муниципального «имущества».

Многие ранее переданные Церкви ценные предметы и строения нередко постигала печальная судьба. В числе наиболее ярких примеров подобного можно вспомнить о фактически погибшей из-за нарушения режима хранения Боголюбской иконе Божьей матери (XII в.) в г. Владимира или гибнущие у всех на глазах в Успенском соборе того же города фрески Андрея Рублева. Равно, как и сгоревший по непонятным причинам памятник древнерусского деревянного зодчества (XVI в.) на территории переданного РПЦ Ипатьевского монастыря в Костроме. К сожалению, подобных по своей чудовищности примеров можно привести немало. Но тенденция искать новые и новые способы отчуждения национального достояния в пользу религиозной организации сохраняется.

На протяжении последних лет де факто идет активная передача новым пользователям в лице религиозных организаций музейных предметов и объектов культурного наследия, в том числе уникальных памятников и комплексов, включенных в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО – Новодевичьего монастыря, Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря. Фактически уже отчуждена от Российской Федерации и передана в распоряжение монастыря РПЦ территория острова Валаам. Интересный прецедент имел место в апреле 2010 года в Соловецком музее-заповеднике, где назначенный его директором наместник находящегося на территории музея монастыря принял от самого себя по 109 договорам движимое и недвижимое имущество, являющееся музейной государственной собственностью [7]. Весной 2010 года, по указанию высших чиновников организацией МЭРТ (Минэкономразвития) был окончательно оформлен законопроект «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», который кулуарно разрабатывался РПЦ с 2003 года и содержал громадное количество противоречий ряду норм действующего законодательству РФ. В том числе, ряду положений Конституции РФ, Федеральным законам РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях», «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры народов Российской Федерации)» и др. В связи с этим обстоятельством выступил со своим мнением Российский филиал Международного союза музеев (ИСОМ), заявивший, что всецело разделяет обеспокоенность музейной и научной общественности тем, что столь серьезные решения и документы принимаются без привлечения к их всестороннему обсуждению специалистов в области культурного наследия и музейного дела» [8].

На спасение бесценных сокровищ нашей культуры добровольно мобилизовалось практически все музейное сообщество - хранители, реставраторы, искусствоведы, которые спасали от гибели иконы, фрески, архитектурные сооружения даже в самые тяжелые первые советские годы. В результате их усилий, сопровождавшихся общественной и информационной поддержкой, власти были вынуждены допустить к работе над законопроектом представителей Министерства культуры, а затем и специалистов музейного сообщества. Несмотря на оказываемое давление сторонников клерикализации, текст проекта претерпел заметные изменения, был одобрен Правительством РФ и передан 16 июня 2010 для обсуждения в Комитетах Государственной Думы РФ с привлечением экспертов музейного сообщества.

4. В армии. Вопрос о начале функционирования военного духовенства на сегодняшний день считается решенным, ибо в январе 2010 г. Министром обороны Российской Федерации утверждено Положение по организации работы с верующими военнослужащими. В соответствии с этим Положением священнослужители могут быть назначены на соответствующие должности Министром обороны Российской Федерации по представлениям религиозных объединений. В настоящее время такие предложения поступили только от Русской православной церкви [9].

5. В сфере администрирования. Множество примеров можно привести в качестве свидетельств участия РПЦ в формировании внутренней политики светского государства, в использовании религиозного инструментария и традиционного доверия населения к религии в идеологических целях. Это

отдельная тема для специального исследования. Но там, где притязания церкви на клерикальное администрирование встречают гражданское противодействие, религиозная организация ведет себя откровенно агрессивно. Недавний пример – клерикальная инициатива строительства в центре Екатеринбурга на месте существующего там сквера и фонтана «Каменный цветок» храма св. великомученицы Екатерины. Большинство жителей и членов городской администрации Екатеринбурга высказались против изменения исторического облика города. Однако, епархия жестко и даже грубо пыталась «продавливать» свое решение, невзирая на скандальную ситуацию, в центре которой оказалась она в тот момент по причине нечистоплотных махинаций. «Уральские коммерсанты взбунтовались против манеры ведения бизнеса Екатеринбургской епархией. Как заявляют бизнесмены, команда архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия задолжала им миллионы рублей и не собирается их отдавать. ...На сегодняшний день епархия задолжала 31 кредитору, в том числе 12 юридическим лицам — производителям и продавцам ювелирных изделий и 19 физическим лицам, которые давали священникам деньги. Общая сумма долга в настоящее время составляет порядка 23,6 миллиона рублей без начисленных процентов» [10].

После того, как под угрозой референдума руководство епархии отказалось от строительства "храма на фонтане", им предпринимается попытка получить бюджетное финансирование на восстановление разрушенного храма, переданного церкви в 2005 году, но до сих пор не восстановленного, несмотря на регистрацию под этим предлогом фонда «Сретенский собор» [11].

Думаю, что подобные примеры, которые типичны и отмечаются во множестве (в Украине происходит при Президентях Ющенко и Януковиче то же – Редакция РС), вполне определенно говорят о признаках активной клерикальной экспансии светского пространства - клерикализации. Источником ее, в основном, видится наиболее влиятельная религиозная организация страны – Русская православная церковь Московского патриархата (в Украине – её составная УПЦ МП – Редакция РС). И происходит это в поликонфессиональном обществе светского (в соответствии с Конституцией РФ) государства [12]. Известно, что основным закон - Конституция РФ провозглашает светский характер государства и принцип отделения церкви от системы государственного образования. На деле же, имеет место активное проникновение мощной религиозной организации практически во все сферы жизни общества с перспективой установления монополии в области духовного просвещения населения страны, и, прежде всего, молодежи.

При этом, совершенно непонятно, к чему Церкви, претендующей на особую духовность столь откровенное обмирщение, если ценности «царства мира сего» для нее вторичны? Неужели та роль духовного водительства, которую, по сути, она должна играть в жизни каждого отдельно человека и общества в целом видится ей недостаточной или несущественной? Ведь, если так, то вряд ли подобную организацию справедливо именовать Церковью - еkkлезией, имеющей в христианстве несколько значений [13]. Допустимо ли в таком случае претендовать на духовное окормление верующих, на проповедь, на выстраивание нравственных и других ценностных ориентиров для людей и страны, на то, чтобы говорить от имени Бога и санкционировать или осуждать нечто Божественным именем и авторитетом?

Но даже если в России грядет и «новое Средневековье», то это лишь усугубит духовную ситуацию в стране – в первую очередь, положение самой Церкви из-за отношения к ней ее же паствы. Успех же всегда будет на стороне тех, кто честно делает свое дело. А «за успехом идет истина, и ее награда при ней» (А. Швейцер).

Использованные источники:

1. См.: Овсиенко Ф.Г. Клерикализм // Энциклопедия религий. – М., 2008. – С. 666-667.
2. Забияко А.П. Эксперимент в школе. «Пойди туда – не знаю куда, принеси то - не знаю что» // <http://www.portamur.ru/blogs/zabiyako/740.php>
3. Тощенко Ж.Т. Конфессиональные гарантии общественного несогласия// <http://religiopolis.org/religiovedenie/377-konfessionalnye-garantii-obshchestvennogo-nesoglasija.html#comments>
4. Патриарх Кирилл: светскую этику в школах выбирают под давлением // <http://religiopolis.org/news/379-patriarh-obvinil-direktorov-shkol-v-neschestnosti.html>; Обучать архиважному предмету принудительно неприемлемо // <http://religiopolis.org/news/576-obuchat-arhivazhnomu-predmetu-prinuditelno-nepriemlemo.html>
5. Антонов К.М. Научность и/или профанация? Теология и/или религиоведение // <http://religiopolis.org/publications/113-nauchnost-ili-profanasija-teologija-ili-religiovedenie.html>
6. Элбакян Е.С. Профанная теология или профанация науки // <http://religiopolis.org/publications/81-profannaja-teologija-ili-profanasija-nauki.html>; См. также, например: Вяткин В. Между наукой и богословием // <http://religiopolis.org/publications/569-mezhdu-naukoj-i-bogosloviem-vv-vjatkin-ngreligii.html>; Вевюрко И.С. Теология протягивает руку религиоведению// <http://religiopolis.org/publications/563-teologija-protjagivaet-ruku-religiovedeniju.html> и др.
7. См.: Церковный опыт «двуипостасного администрирования»// <http://www.religiopolis.org/publications/604-tserkovnyj-opyt-dvui-postasnogo-administrirovaniya.html>
8. ИКОМ России о проблеме «музеи и религиозные институции» // <http://religiopolis.org/documents/277-icom-rossii-o-probleme-museum-i-religion-institution-declared.html>; К вопросу о клерикальной экспансии светской культуры// <http://religiopolis.org/publications/575-k-voprosu-o-klerikalnoj-ekspansii-svetskoj-kultury.html>; Ситников М.Н. Ценности остаются в музеях <http://religiopolis.org/publications/571-tsennosti-ostajutsja-v-muzejah.html>; Церковь и музеи: парадоксальный «диалог»// <http://religiopolis.org/publications/586-tserkov-i-muzei-paradoksalnyj-dialog.html>; Церковь и музеи: апелляция к государству// <http://religiopolis.org/publications/587-tserkov-i-muzei-appejatsija-k-gosudarstvu.html>; Церковь и музеи: неоднозначность проблемы// <http://religiopolis.org/publications/595-tserkov-i-muzei-neodnoznachnost-problemy.html>; Кусова И.Г. Проект «церковной реституции»: сласть играет с огнем // <http://religiopolis.org/publications/583-proekt-tserkovnoj-igraet-s-ognem>

- restitutsii-vlasti-igrajut-s-ognem.html; Ситников М.Н. «Момент истины» для музеев и Церкви //НГ-религии. – 2010. – 16 июня и др.
9. В армию хочет только РПЦ // <http://religiopolis.org/news/375-v-armiju-hochet-tolko-rpts.html>
 10. См.: «Бизнес» по-архиерейски // <http://religiopolis.org/publications/365-bisnesspo-arhiereyski-ural-consalting-groshev.html>
 11. См.: Восстановление храма в Ирбите // <http://www.religiopolis.org/news/616-vosstanovlenie-hrama-v-irbite.html>
 12. «Как Вы, уважаемый читатель, - задается вопросом член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко, - относитесь к таким результатам социологических исследований, что в России считают себя православными от 60 до 75% людей, а на вопрос, верят ли они в Бога, положительно отвечает на 20-25 % меньше опрашиваемых. Как это - быть православным и не верить в бога? А возможно ли такое? Нет ли здесь какого-то противоречия или недопонимания, путаницы? Более обстоятельный анализ показал, что быть православным - это признавать свою принадлежность к русской (славянской) культуре, понимать, что ты гордишься своим народом, что ты признаешь историческую заслугу православия в формировании духовного облика своей нации. А вера в Бога - это уже другая система отсчета - личностное отношение к некоторым основополагающим мировоззренческим взглядам на мир, на природу и общество, которое в своей основе имеет религиозные, а не научные основания.
 13. Если учесть, к тому же, что те, кто признается в вере в бога, но ни разу в течение года не бывает в церкви (а таких насчитывается еще 25-30%), то можно ли считать их истинно верующими? Те же социологические исследования говорят, что воцерковленных, т.е. постоянно и регулярно соблюдающих каноны и знающих догмы церкви, насчитывается не более 7-9%...» (см.: Тощенко Ж.Т. Конфессиональные гарантии общественного несогласия//<http://religiopolis.org/religiovedenie/377-konfessionalnye-garantii-obshchestvennogo-nesoglasija.html#comments>).
 14. «С догматической точки зрения Церковь принято называть соединением людей как настоящего, так и прошлых и будущих поколений, верующих в Иисуса Христа как Богочеловека, Искупителя грехов мира и прошедших таинство крещения. Именно к такому пониманию применимы новозаветные определения Церкви как мистического Тела, глава которого - Христос, Столпа и утверждения истины и пр. Целью таким образом понятой Церкви является содействие спасению её членов. В обыденном понимании под Церковью часто понимается та или иная общность или община христиан, объединенных по конфессиональному принципу (например, Римско-Католическая церковь)» (см.: Несмиянова О.В., Семанов А.М. Церковь //Энциклопедия религия. – М., 2008. – С. 1396-1397).